

УДК 130.2

СПЕЦИФИКА ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Д.К. МАНОХИН

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

Статья посвящена специфике литературоведческой интерпретации художественного текста. Автор рассматривает проблемы природы художественной литературы как объекта филологии, множественности моделей интерпретации, согласования различных истолкований текста и выявляет способы их решения.

Ключевые слова: филология, литературоведение, интерпретация, наука, художественная литература.

Отметим теоретико-методологические проблемы, возникающие перед филологами при попытке определения специфики литературоведческой интерпретации художественного текста:

1. Перед литературоведением стоит вопрос понимания природы дискурса художественной литературы. Что представляет собой художественный текст – специфическую риторическую форму организации определенного (заданного) смысла или суггестивную форму дискурса, генерирующую возможность потенциально бесконечного увеличения количества семантических конфигураций/ контекстов высказывания и способов их артикуляции?

2. В зависимости от ответа на предыдущий вопрос находится решение следующей проблемы: существует ли единственно верная интерпретация того или иного художественного текста, или все интерпретации имеют равноправный характер; соответственно, должно ли филологическое высказывание иметь унифицированную форму или же необходимо наличие множества способов организации литературоведческого дискурса с учетом возможности дальнейшей пролиферации теоретико-методологических подходов?

3. Если придерживаться тезиса об унификации, то необходимо выработать критерий определения аутентичного истолкования/способа интерпретации художественного текста. Это позволит выбрать из совокупности конкурирующих интерпретаций/методологических концепций (фактическая ситуация, которую не может игнорировать ни литературовед, ни философ) ту, которая бы соответствовала природе литературы. Если же достаточно обоснованным является второй из вариантов, отмеченных в пункте 2, то возникает потребность в поиске способов установления релевантности тех или иных литературоведческих интерпретаций художественного текста. Встает также вопрос о возможностях согласования различных истолкований одного и того же литературного произведения. С данными трудностями связана следующая проблема: нужно ли при осознании полисемантизма художественного текста маркировать границы этого полисемантизма и, соответственно, ограничить размножение истолкований/методологических концепций, или же в этом нет необходимости?

Прежде всего, мы обратимся к рассмотрению некоторых специфических черт объекта филологического исследования – художественного текста. Здесь мы попытаемся прояснить литературоведческое понимание «природы» литературы и условия филологической интерпретации художественного текста. Затем будет предложено частичное решение всех остальных проблем.

1. В литературоведении не сложилось фундаментальное представление о том, что такое художественная литература. Отсутствуют четкая дефиниция этого понятия и достаточно обоснованные критерии для выделения литературы из общей совокупности дискурсивных практик. Таким образом, проблема заключается в следующем: какой тип текста считать художественным?

Названная проблема относится к ведению теории литературы, в рамках которой конституируется концептуальная/онтологическая модель художественного текста. Исходя из особенностей подобной модели и должны быть выработаны методологические правила изучения литературы как в плане объяснения литературных фактов общего характера, так и в связи с литературоведческими интерпретациями конкретных художественных произведений.

Существует множество теорий литературы, репрезентирующих различные варианты понимания природы художественного текста. Однако в составе каждой из этих теорий наличествуют довольно внятные описания компонентов литературно-художественного дискурса, проявляющие поразительное сходство в различных школах литературоведения. Объединение и переосмысление подобных дескрипций дает возможность создания операционального представления о художественном тексте, которое способно прояснить предпосылки конституирования литературоведческой интерпретации.

Ни одно из современных направлений филологического исследования не может избежать упоминания о литературе как специфическом способе организации языка и печатной форме трансляции смысла. Учет этого обязательен даже при рецидиве «школьного»/идеологического изучения художественного текста.

Способ организации языка – это то, что в литературоведении называют «формой»/«стилем» произведения. Вне зависимости от того, рассматривают ли филологи «форму» как средство выражения уже готового авторского смысла или как способ создания некоей семантической целостности/совокупности дискретных смысловых конфигураций, большинство литературоведов сходятся в понимании литературы как «символического» дискурса. Это понимание основано на том факте, что в рамках художественного текста тропы, риторические фигуры, суггестивные конструкции используются в большей степени, нежели в других типах дискурса. Но главное, что использование этих языковых ресурсов имеет целью не столько декорирование текста или привлечение внимания к речи, сколько конституирование смысла, который в литературном произведении не может быть произведен/выражен каким-либо другим образом. В результате возникает образно-символическая форма текста, отличающаяся особыми семантико-синтаксическими характеристиками. Для данной формы показательным амбивалентным сочетанием лексического значения слова и слоя его многочисленных «вторичных означаемых». С одной стороны, это обуславливает «визуальное» начало литературы, а, с другой, – приводит к усложнению смысловых конфигураций.

Словом, художественная литература характеризуется непрямой модусом высказывания: буквально произведение говорит одно, а фигурально – другое. Причем именно буквальное значение позволяет сконцентрировать внимание на коннотациях текста, так как при отсутствии этого значения литература рискует лишиться своеобразного отправного пункта для чтения и превратиться в «непонятный» язык. Подобное понимание особенностей художественного текста показательным не только для литературоведов, но и для философов. Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Живопись, поэзия, лишенные «живых» форм, были бы невразумительны, то есть обратились бы в ничто, как ничего не могла бы передать речь, где каждое слово было бы лишено своего обычного смысла»¹. Слово «живых» указывает на то, что буквальная форма текста привносит в художественное высказывание референциальный привкус, продуцируя этим в сознании читателя процесс моделирования «визуального» пространства. Однако главную особенность придает литературе совокупность фигуральных смыслов, причем слой коннотаций художественного текста обуславливается авторской интенцией, жанровыми/стилистическими конвенциями, интертекстуальными зависимостями и многим другим. В итоге, художественное высказывание характеризуется отсутствием одного определенного контекста. Это не означает, что несколько контекстов не может быть связано друг с другом и объединено в систему, обеспечивающую целостность и завершенность смысловой структуры дискурса. Однако в тексте, вследствие присутствия специальных риторических конструкций, подобные связи прояснены лишь отчасти (нали-

¹ Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. С.Л. Воробьева // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в совр. об-ве / Сост. Р.А. Гальцева. – М.: Политиздат, 1991. – С. 239.

чеством всякого рода семантические лакуны, эллипсы), или, наоборот, акцентировано количество взаимосвязей, чрезмерное для однозначного/мгновенного понимания. Подобную черту Д. С. Лихачев называет необходимой «неточностью» искусства². Художественный текст должен быть организован таким образом, чтобы возникала прагматическая доминанта к его научному/читательскому истолкованию.

Таким образом, особая формальная организация литературного произведения требует *активного* интерпретативного усилия в процессе его рецепции. Автор не просто сообщает читателю некую идею, но создает специфическую формальную конструкцию, которая должна быть прояснена в ходе тщательного анализа *фигуральных/коннотативных* структур. В этом отношении художественный текст является суггестивной формой, провоцирующей литературоведческую интерпретацию.

Упоминание об авторе, создающем формальную конструкцию, побуждает нас сделать несколько замечаний. В литературоведении распространены споры о месте и роли автора в составе дискурса художественной литературы. Нужно понимать особенность этой полемики. По сути, ни один из филологов не может сомневаться в том, что текст имеет смысл, намеренно заданный тем или иным автором. Но смысл текста в момент литературоведческой рефлексии определяется *не только* авторской интенцией. В этой связи многие литературоведы настаивают на том, что авторский замысел (который можно реконструировать, обратившись к черновикам, интервью, другим произведениям того же автора) необходимо понимать в качестве смысловой доминанты текста, а иные семантические потенции рассматривать как дополнительные и не менее важные в художественном отношении. Другие литературоведы (те же деконструктивисты) выступают с критикой подобной позиции, акцентируя «дополнительные» смысловые аспекты.

Главное во всем сказанном – это частичное решение проблемы, отмеченной нами в пункте 1. Художественный текст представляет собой суггестивную форму дискурса, генерирующую возможность потенциально бесконечного увеличения количества смысловых конфигураций и способов их прояснения. *Некоторые* из этих конфигураций заданы и определены в рамках авторской интенции. Однако эта картина не избавляет литературоведение от наличия множества затруднений. Авторская интенция может состоять в отказе от смысловой предопределенности высказывания; могут отсутствовать материалы, способствующие выявлению «аутентичного» смысла, что приведет к невозможности различения авторского/неавторского элементов дискурса. С другой стороны, элиминация авторского компонента может привести к утрате произведением своей оригинальности.

Также нельзя забывать, что литература является печатной продукцией (как и многие другие типы дискурсов, но здесь играет особую роль образно-символическая природа художественного текста). Данная ситуация еще более усиливает прагматическую необходимость литературоведческой интерпретации. Во-первых, печатная форма исключает возможность непосредственного речевого комментария текста его автором. Во-вторых, данная форма придает дискурсу художественной литературы специфическую темпоральную перспективу. Литературное произведение «длится» во времени, переходя из одной исторической эпохи в другую и получая, таким образом, все новые и новые культурные «детерминации».

Упоминание о времени указывает на еще одну особенность литературы. С исторической точки зрения литература как объект литературоведческого дискурса не является константной. Понимание специфики художественного текста во многом зависит от фактического состояния дел в области литературной практики в тот или иной период культуры. В этом отношении показательным является положение современной литературы. Помимо саморефлексивной направленности и необарочной игры формами современная литература характеризуется множественностью конкретных способов организации дискурса (литературных направлений). В этих направлениях акцентируются те или иные аспекты художественной формы, или, наоборот, произведение строится посредством элиминации определенных риторических фигур и тематизмов, которая приводит к возникновению оригинальных стилистических образований. Каждая из «литератур» требует введения новых

² Лихачев Д.С. О филологии / Д.С. Лихачев. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 63-70.

вопросов в круг проблем теории литературы, а также разработки методологических подходов, способствующих выявлению специфики того или иного направления и «адекватной» интерпретации конкретного художественного текста. Причем это фактическое состояние современной литературы, инициирующее необходимость множества различных исследовательских парадигм, является не неким теоретическим «произволом» литературоведения, но результатом взаимодействия литературно-художественного и филологического дискурсов.

Филологическая рефлексия множества «литератур» в состоянии в определенной степени изменить представление об «общем объекте» литературоведения или указать на отсутствие необходимости артикуляции подобного объекта. Последняя тенденция весьма сильна в современном литературоведении. Так, Ц. Тодоров оспаривает в работе «Понятие литературы» сам факт существования однородного «литературного дискурса». Он предлагает вместо малоуспешных попыток рассмотрения литературы как таковой обратиться к созданию «типологии дискурсов»³. Тодоров пишет: «Положение <...> изменится, если мы обратимся не к «литературе», но к ее разновидностям. Не составляя никакого труда сформулировать правила, свойственные некоторым типам дискурса <...>»⁴. Теория Тодорова является достаточно продуктивной и рациональной в ситуации *полипарадигмальности художественной литературы*. Однако для литературоведения все еще характерны как тяга к радикальному идиографизму, так и стремление к унификации гетерогенного материала.

Как мы увидим, наличие множества литературных практик не отрицает возможности специфического существования «общего объекта» литературоведческого дискурса. Попутно заметим: точка зрения Тодорова не находится в противоречии с предыдущим прояснением «специфики» художественной литературы. Мы не предлагаем *описание природы литературного дискурса*, которое бы дало возможность создания его дефиниции. Мы лишь артикулируем те черты художественного текста, понимание которых является сходным в теориях различных филологических школ. Экспликация этих черт позволяет прояснить *условия необходимости/предпосылки конституирования литературоведческой интерпретации*.

Перейдем к рассмотрению круга вопросов, связанных с особенностями функционирования литературоведческого дискурса, предполагающего интерпретацию художественного текста. Причем интерпретативный филологический дискурс следует понимать не в узком смысле литературно-критической статьи, но как комплексное образование – модель интерпретации, характерную для той или иной литературоведческой парадигмы/школы.

Традиционно под интерпретацией подразумевается «когнитивная процедура установления содержания понятий или значения элементов формализма посредством их аппликации на ту или иную предметную область, а также результат указанной процедуры»⁵. В литературоведении распространена следующая формулировка: «Интерпретация (от лат. *interpretatio* – истолкование, объяснение), истолкование лит. произведения, постижение его смысла, идеи, концепции. И. [интерпретация – Д. М.] осуществляется как *переоформление* худож. содержания, т.е. посредством его перевода на <...> *понятийно-логический* <...> язык <...>»⁶. При этом необходимо помнить, что литературоведение имеет дело с художественными текстами, особенность языка которых состоит в акцентировании фигурального смысла высказывания. Поэтому буквальное значение слова для литературоведа не является самодостаточным. Прояснение же слоя коннотаций литературного произведения требует артикуляции контекста/системы контекстов дискурса. В роли контекста могут выступить как «внешние» (культурные реалии, биография автора),

³ Тодоров Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров; пер. с фр. Г.К. Косикова // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 390.

⁴ Там же. – С. 389.

⁵ Постмодернизм: энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Мн.: Интерпресссервис; Книжный дом, 2001. – С. 331.

⁶ Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – С. 127.

так и «имманентные» (законы языка, фигуры кода) тексту предметные области. Контекст устанавливается в рамках той или иной литературоведческой теории, объясняющей природу художественного текста. В этом отношении с определенной долей условности можно сказать, что теория литературы представляет собой предельно абстрактную интерпретацию литературного дискурса, легитимирующую контекст любого произведения. Теория обуславливает также методологические правила выявления смысла художественного текста и предоставляет в распоряжение филолога тот самый «понятийно-логический язык», который позволяет литературоведчески эксплицировать содержание литературного произведения. Это имеет особую важность, так как в литературоведении интерпретация не останавливается на этапе интуитивного понимания, но представляет собой прежде всего аналитическую процедуру. Иными словами, филологическая интерпретация литературного произведения состоит в установлении смысла формальных компонентов текста исходя из обоснованного в рамках литературоведческой теории контекста/системы контекстов художественного высказывания. Это установление возможно лишь в рамках аналитического исследования, ведущегося на специальном языке и руководствующегося особыми методологическими правилами. Теоретико-методологический комплекс, задающий способы интерпретации художественного текста, в свою очередь, формируется не априори, но в ходе конкретных попыток его истолкований. Последние выполняют функции «генерирования» рабочих гипотез и эмпирической проверки теоретических постулатов.

2. Решение вопроса об аутентичной интерпретации/унифицированной форме литературоведческого дискурса связано с результатами ранее проведенной экспликации некоторых специфических черт художественной литературы. Все парадигмальные интерпретации носят равноправный характер; соответственно, литературоведческий дискурс имеет (должен иметь) множество форм организации высказывания. Однако эти формы находятся в отношении своеобразной дополнительности, что и позволяет называть их «литературоведческими».

Здесь необходимо сделать важное пояснение. В рамках одной и той же парадигмы может быть конституировано несколько интерпретаций конкретного художественного произведения, коррелирующих с «авторскими образцами». Однако эти истолкования не являются различными в строгом смысле слова. Скорее, они связаны отношением дополнительной экспликации (в рамках одного и того же контекста). Мы же будем вести речь преимущественно об истолкованиях, обусловленных *различными парадигмальными* моделями интерпретации художественного текста.

Возвращаясь к тезису о специфике организации литературоведческого дискурса, следует отметить, что первая часть этого положения отражает фактическое состояние современного литературоведения, которое получает теоретическое объяснение. Множественность равноправных интерпретаций/форм литературоведческого дискурса обусловлена как особенностями формальной организации литературного произведения, так и пролиферацией литературных направлений. Вторая часть тезиса основана на том, что различные исследовательские парадигмы не являются «закрытыми» и несоизмеримыми образованиями. Напротив, связи между парадигмами носят характер «дополнительности» – в смысле диалога, конфликта, заимствования и переосмысления теоретико-методологических постулатов. Возможность подобных связей во многом обусловлена не только наличием общих объекта исследования и концептуальных ориентаций, но и присутствием одних и тех же фундаментальных проблем. Более того, существует метаязыковой базис всех современных литературоведческих парадигм – языки лингвосомиотики и риторики.

В этом отношении полезно возвратиться к замечаниям Ц. Тодорова о множественности «литератур». Это замечание можно экстраполировать и на литературоведение. Здесь также существует множество дискурсивных практик, между которыми наличествуют отношения близкого и дальнего «родства». Сами эти отношения и их специфика не дают достаточных оснований для создания абсолютно завершеного и строгого представления о литературоведческом дискурсе. Однако подобная ситуация не означает, что отсутствует возможность артикуляции «семейных» групп среди множества парадигм, манифестирующих себя как «литературоведческие». Способом этой артикуляции может

выступить прояснение концептуальных и методологических ориентаций современного литературоведения. В контексте изучения взаимодействия «семейных» групп также можно выявить их общие черты (например, наличие изоморфных фундаментальных проблем). При этом мы получаем возможность, как объединять, так и различать методологические концепции филологии.

Необходимо заметить, что и теория Тодорова, имплицитно содержащая «металитературоведческие» потенции, и наше исследование отчасти связаны с концепцией «языковых игр» Л. Витгенштейна. Сходную ориентацию имеет также широко известная теория современного научного знания, представленная в работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна»⁷. Он настаивает на пролиферации научных концепций, имеющих «локальный» характер и артикулирующих всякого рода «нестабильности»⁸. Причем он апеллирует к опыту не только социально-гуманитарных, но и естественных наук. «Локальный» характер литературоведческих истолкований художественного текста мы рассмотрим позднее, а сейчас нас прежде всего интересует вопрос о релевантности интерпретаций и критериях возникновения и легитимации теоретико-методологических комплексов. Лиотар настаивает на легитимации «через паралогию» («открытая систематика <...> антиметод»)⁹. Далее философ отмечает: «<...> релевантность высказывания заключается в том, что оно «дает рождение идеям», т.е. другим <...> правилам игры <...> содержит отличие от известного ранее <...>»¹⁰.

3. Обращаясь к вопросу о релевантности той или иной литературоведческой интерпретации художественного текста, следует попутно заметить, что проблема аутентичного истолкования литературного произведения не может быть разрешена вследствие ранее эксплицированных особенностей литературно-художественного дискурса. Однако это не означает ее элиминации из круга проблем той или иной парадигмы. Более того, присутствие названной проблемы в рамках конкретного литературоведческого направления имеет своеобразный «позитивный» эффект, состоящий в стремлении филологов к охвату всех литературных явлений и полемике с другими школами. Однако, с другой стороны, чрезмерное акцентирование отмеченной проблемы способно привести к спорам, имеющим чисто идеологический характер. Именно в этой связи более целесообразно рассматривать литературоведческую интерпретацию как релевантную/нерелевантную.

Как мы отмечали, филологическая интерпретация делает литературное произведение осмысленным в отношении предметной области и теоретико-методологических оснований изучения литературно-художественного дискурса. Иными словами, в парадигмальной литературоведческой интерпретации артикулируются: специфические формальные компоненты литературного произведения; предметная область («внешнего/«внутреннего» характера), на которую должны быть апплицированы формальные элементы текста; способ апплицирования; теоретическая модель художественного текста, объясняющая природу изучаемого объекта. Количество подобных комплексов велико. В этом случае релевантность литературоведческого истолкования состоит в рационально обоснованной новизне какого-либо из ранее отмеченных компонентов интерпретативного дискурса (что влечет за собой переосмысление всех остальных составляющих) или в их дополнительном уточнении. Однако о самой релевантности интерпретации можно вести речь лишь при наличии всех компонентов дискурса (в особых случаях это наличие может носить имплицитный характер, например, – при постструктуралистских исследованиях наиболее радикального типа). Таким образом, для науки о литературе будет релевантной не любая оригинальная трактовка, но лишь уточняющая/новая интерпретация, включающая теоретико-методологический компонент рационального характера. Здесь полезно коснуться замечания Д. С. Лихачева о субъективизме в филологии¹¹. *Литературовед-*

⁷ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

⁸ Там же. – С. 130-143.

⁹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 144.

¹⁰ Там же. – С. 153.

¹¹ Лихачев Д.С. О филологии / Д.С. Лихачев. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 37.

ческая (научная) интерпретация вследствие описанной нами специфики не содержит возможностей для субъективизма в строгом смысле слова. Теоретико-методологическая аранжировка истолкования текста требует учета объективных закономерностей литературно-художественного дискурса, выявленных в рамках предыдущих парадигмальных исследований. Иными словами, научная деятельность филолога всегда обусловлена теоретическими знаниями, культурными реалиями и многими другими факторами объективного характера. Субъективность в этом смысле состоит в осознанном усилии конкретного литературоведа, направленном на создание новой конфигурации дискурсивных практик филологии. Данная конфигурация всегда имеет объективную ценность для литературоведческого дискурса. Таким образом, даже в случае постулирования филологом своей антипарадигмальной позиции подобная позиция будет истолкована как определенная парадигма исследования. Другое дело, если некто предложит интерпретацию, не основанную на каких-либо фактах/теоретических положениях и не отрефлексированную посредством понятийно-логического языка. Именно против таких истолкований справедливо выступает Д. С. Лихачев. Проблема в том, что эти интерпретации также являются «обоснованными», только обоснование присутствует здесь в неявной форме. Как правило, оно «заимствуется» из «школьной» теории литературы или научных теорий нефилологического характера. Однако все же для литературоведения не исключена возможность пользы интерпретаций такого рода. Они могут дать некий отправной импульс для литературоведческого исследования (речь идет о филологической реинтерпретации «субъективных» истолкований).

Также следует заметить, что создать оригинальную научную интерпретацию художественного текста (в смысле отмеченного комплекса) удастся далеко не всегда. Обычно потребность в таких истолкованиях в наибольшей степени актуализируется в ситуации появления новых литературных направлений или невозможности интерпретации определенных «мест» текста посредством легитимированных методов. Однако и в данном случае интерпретация будет не *радикально иной*, но «отклоняющейся» от легитимированных моделей истолкования путем ранее отмеченного конфигурирования. Иначе она даже не сможет быть «нетривиальной», так как новое является таковым лишь на фоне чего-то известного. Этим мы не хотим сказать, что отсутствует возможность радикальных инноваций. Однако их можно маркировать скорее в контексте смены «эпистем», то есть в более широком культурно-историческом масштабе.

Следует отметить, что возникновение новых истолкований/моделей интерпретации обусловлено и самим литературно-художественным дискурсом (новые литературные направления, суггестивная форма высказывания), и его теоретико-методологической рефлексией (неэффективность наличествующих теорий и методов). Последний вариант особо примечателен. В этом отношении важно акцентировать момент уточнения интерпретации в ходе филологического исследования. Здесь полезны замечания Ж.-Ф. Лиотара. Литературоведческие модели истолкования художественного текста также легитимизируются на основе «открытой систематики» специфического типа. Иными словами, они получают первоначальную легитимацию через обоснование новизны компонентов интерпретативного дискурса и признание этого обоснования в рамках *научного сообщества*. Затем модели интерпретации сохраняют свою легитимность посредством перманентной самоэкспликации и переосмысления¹². В отношении рассматриваемой проблемы самоэкспликация модели истолкования зависит не только от межпарадигмальной полемики, но и от учета диссонансов, возникающих в процессе интерпретации конкретного литературного произведения. Отсутствие указанных процедур может привести к делегитимации той или иной интерпретативной модели. Также Лиотар ориентирует науку на поиск всякого рода «нестабильностей». В литературоведении важна артикуляция как «константных», так и динамических элементов художественного текста. Причем «константы» требуют уточнения в связи с их интерпретацией в реальной литературной практике и при

¹² См.: Манохин, Д.К. О концептуальных и методологических ориентациях филологических наук / Д.К. Манохин // Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества: Сб. материалов региональной научной конференции. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – С. 119-130.

соположении с динамическими компонентами. С другой стороны, без наличия некоего постоянства невозможно выявить и описать саму динамику литературного дискурса.

Что касается локального характера литературоведческих интерпретаций, то здесь мы обращаемся к вопросу о согласовании различных истолкований одного и того же литературного произведения, а также к вопросу об установлении границ полисемантизма художественного текста и пролиферации методологических концепций. Эти вопросы могут быть соотнесены с более общей философской проблемой – проблемой плюрализма. Так, Л. Г. Червонная выделяет две концепции плюрализма: «<...> 1. Признание существования одной реальности и многих попыток ее познания. <...> 2. Постулирование несомненной множественности миров, т.е. плюрализм как парадигма, признающая <...> онтологическое многообразие «начал» мира <...>»¹³. В литературоведении ситуация множественности интерпретаций носит специфический характер, позволяющий «согласовать» обе названные концепции.

Сначала о множественности «миров» (литератур). Как мы отмечали, современная литература характеризуется наличием большого количества конкретных направлений, которое с течением времени возрастает. Более того, для художественной литературы на всем протяжении ее истории показательно присутствие различных дискурсивных форм, о которых и говорит Ц. Тодоров (например, поэзии и прозы). В этом отношении можно сказать, что определенная литературоведческая парадигма изначально акцентирует свое внимание на некотором типе художественного текста (родственных языковых играх). Таким образом, конкретная исследовательская парадигма обеспечивает теоретическое объяснение специфики определенного класса литературных произведений. Так, те же деконструктивисты ограничивают круг исследуемых текстов «гетерогенными» экспериментами в области философии и литературы. Иными словами, в литературоведении конкурируют/взаимодействуют не только исследовательские парадигмы, но и комплексные объединения интерпретативного дискурса и «литературы», которую изучает и легитимирует этот дискурс. Такая «литература» рассматривается в качестве своего рода «идеала» художественного текста. Однако литературоведы, отправляясь от интерпретации художественных текстов определенного типа, экстраполируют свои модели истолкования и на другие группы литературных произведений. В этом смысле филологи акцентируют отдельные специфические аспекты литературно-художественного дискурса как общего объекта литературоведения – сегменты формальной структуры текста и соответствующие им предметные области, на которые необходимо апплицировать эти сегменты.

В отношении истолкования конкретного художественного текста это означает, что все интерпретации равноправны, так как они акцентируют различные аспекты литературного произведения. Отсюда проистекает решение вопроса о согласовании множества истолкований одного и того же текста. Это согласование принимает форму *взаимодополнительности* интерпретаций. Данная форма сохраняется также и в случае, когда тот или иной формальный компонент литературного произведения получает различное толкование. Различие здесь обуславливается контекстами художественного высказывания. Как правило, эти контексты тоже взаимодополнительны, и их сочетание позволяет артикулировать контекстуальную систему текста. Ситуация же смыслового «противоречия» должна быть прояснена посредством кооперации и взаимного контроля методологических концепций. Подобная ситуация обычно соответствует фактуре самого художественного произведения, однако не исключено наличие внутренних несогласований внутри конкретной модели истолкования текста.

Упоминание о взаимном контроле моделей интерпретации лишний раз указывает на отсутствие их *радикальной* инаковости. Конкретные художественные тексты и их типы взаимодействуют друг с другом (в том числе путем вторичной интерпретации одного текста другим). То же касается и литературоведческих парадигм¹⁴. В отношении литературо-

¹³ Червонная Л.Г. Плюрализм в социально-гуманитарном познании / Л.Г. Червонная // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 2. – С. 129.

¹⁴ См.: Манохин Д.К. О концептуальных и методологических ориентациях филологических наук / Д.К. Манохин // *Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества: Сб. материалов региональной научной конференции*. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – С. 119-130.

ведческого дискурса это означает наличие элементов, общих для всех исследовательских парадигм (постулаты нормативной теории литературы, фундаментальные проблемы и т.п.), а также теоретико-методологических компонентов, переходящих в трансформированном виде от одной методологической концепции к другой. Все это способствует здоровой научной полемике. Негативные моменты возникают при отсутствии осознания литературоведом реального контекста собственного дискурса. Часто филологи, говоря об определенном аспекте художественного текста/классе литературных произведений, считают, что рассуждают о литературе как таковой. Это приводит ко всякого рода недоразумениям при взаимодействии различных исследовательских парадигм.

Все ранее сказанное лишней раз подтверждает неадекватность тезиса о несоизмеримости и непримиримой конфликтности парадигм литературоведческого исследования. Более того, в свете возможности согласования интерпретаций и взаимного контроля различных парадигм можно вести речь о межпарадигмальном исследовании конкретных литературных произведений. В этом отношении показательна попытка Ю. Б. Борева¹⁵, который предложил объединить различные методологические концепции литературоведения и выработать, таким образом, *системный* подход к изучению художественного текста. В качестве базового теоретико-методологического компонента, позволяющего избежать эклектичности подхода, российский ученый выдвинул принцип историзма. Данный принцип входит в состав исследовательских парадигм классической филологии и марксистского литературоведения, легитимированных в своей совокупности в рамках определенного научного сообщества. Иными словами, здесь мы имеем дело с трансформационными процессами в составе конкретной парадигмы литературоведческого исследования. Необходимо отметить, что эти процессы приводят к возникновению явно позитивного методологического эффекта. Также абсолютно справедливо стремление не просто объединить, но систематизировать компоненты различных парадигм посредством выделения главного теоретико-методологического принципа. Только для создания *межпарадигмального* подхода подобный принцип необходимо *разрабатывать* в соответствии с осмыслением специфики взаимосвязей различных моделей интерпретации художественного текста, а не заимствовать из конкретной парадигмы.

Таким образом, проблема плюрализма в литературоведении имеет следующую специфику. Литературно-художественный дискурс как общий объект литературоведческого исследования («одна реальность») не является для филолога наличной данностью. Скорее, он предстает лишь в форме проекта/наброска, постоянно уточняющегося с ростом литературных направлений («множественность миров») и их последующей литературоведческой рефлексией в рамках исследовательских парадигм, соответствующих природе этих направлений. *Уточнение* возможно благодаря взаимодействию парадигм, обусловленному «имманентными» причинами, а также пересеканием литературных направлений и символической формой художественных текстов. Это взаимодействие приводит, с одной стороны, к объединению усилий в отношении конституирования природы литературно-художественного дискурса, а, с другой, – к взаимобратимой критике, способствующей экспликации той или иной парадигмы. Ранее описанный процесс находится в состоянии перманентной актуализации. Нетрудно заметить, что специфика этого процесса указывает на решение вопроса об ограничениях, налагаемых на полисемантизм художественного текста и пролиферацию моделей истолкования литературного произведения. С одной стороны, подобные ограничения желательно установить, но, с другой, – возможности для такого установления отсутствуют. Литература, как мы показали, является изменяющимся объектом. Это изменение имеет следующий характер: рост новых литературных направлений; интертекстуальное взаимодействие различных литературных практик как друг с другом, так и с другими типами дискурсов. В этом отношении полисемантизм художественного текста будет только возрастать, как и количество моделей интерпретации. В подобной ситуации единственный выход – это рациональное обоснование литературоведом новой методологической концепции. Так, И. П. Карпов призывает

¹⁵ Боров Ю.Б. Методология анализа художественного произведения / Ю.Б. Боров // Методология анализа художественного произведения / Отв. ред. Ю.Б. Боров. – М.: Наука, 1988. – С. 3-32.

ет к созданию «аналитического литературоведения», основанного на семантическом анализе терминов, применяемых в конкретной работе с художественным текстом»¹⁶.

Список литературы

1. Бак, Д. П. Границы интерпретации в гуманитарном и естественнонаучном знании / Д. П. Бак, Н. И. Кузнецова, В. П. Филатов // *Вопр. философии.* – 1998. – №5. – С. 144-150.
2. Борев, Ю.Б. Методология анализа художественного произведения / Ю.Б. Борев // *Методология анализа художественного произведения* / Отв. ред. Ю.Б. Борев. – М.: Наука, 1988. – С. 3-32.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
4. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 750 с.
5. Лихачев, Д.С. О филологии / Д.С. Лихачев. – М.: Высшая школа, 1989. – 206 с.
6. Манохин, Д.К. О концептуальных и методологических ориентациях филологических наук / Д.К. Манохин // *Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества: Сб. материалов региональной научной конференции.* – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. С. 119-130.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. С.Л. Воробьева // *Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в совр. об-ве* / Сост. Р.А. Гальцева. – М.: Политиздат, 1991. – С. 230-263.
8. Постмодернизм: энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грищанов, М.А. Можейко. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 1040 с.
9. Тодоров, Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров; пер. с фр. Г.К. Косикова // *Семиотика: Антология* / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С.376-391.
10. Червонная, Л.Г. Плюрализм в социально-гуманитарном познании / Л.Г. Червонная // *Общественные науки и современность.* – 2002. – № 2. – С. 127-135.

SPECIFIC CHARACTER OF PHILOLOGICAL INTERPRETATION OF A FICTION TEXT

D.K. MANOKHIN

*Belgorod National
Research
University*

This article is devoted to the specific nature of philological interpretation of the fiction literature. The author considers some problems: the nature of the fiction as the philological object; a great number of the models of interpretation; the agreement of various interpretations of the text. By this way he reveals the solutions of the marked problems.

Key words: philology, Study of Literature, interpretation, science, fiction.

¹⁶ Цит. по: Бак, Д. П. Границы интерпретации в гуманитарном и естественнонаучном знании / Д. П. Бак, Н. И. Кузнецова, В. П. Филатов // *Вопр. философии.* – 1998. – №5. – С. 150.